

Олег РЯБОВ

Поэт и прозаик. Родился в 1948 году в Горьком. Окончил Горьковский политехнический институт имени А.А. Жданова. Работал в Научно-исследовательском радиофизическом институте (занимался проблемами поиска внеземных цивилизаций), облкниготорге, издательстве «Нижеполиграф».

Главный редактор журнала «Нижний Новгород», редактор-издатель альманаха «Земляки», директор издательства «Книги». Член Российского Союза антикваров, Национального Союза библиофилов.

Автор многих книг стихов и прозы и многочисленных журнальных публикаций. Участник антологий «Русская поэзия. XXI век», «Молитвы русских поэтов. XX–XXI», «Антология военной поэзии». Лауреат ряда литературных премий: города Нижнего Новгорода в области литературы (трижды), имени Шукшина «Светлые души» (Вологда), Б. Корнилова (Нижний Новгород); финалист премии «Ясная Поляна» (2013) за книгу «Четыре с лишним года. Военный дневник», шорт-листер премии «Золотой Дельвиг» (2013) за роман «Когиз», премии имени И. Бунина (2012) за сборник стихов «Утки не возвратились». Лауреат XIV Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2023) за книгу за книгу «Свинцовая строчка». Награжден медалью Пушкина.

Член Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде.

НА КРАЮ ЗЕМЛИ

Огромное безграничное поле, которое последний десяток лет было простой луговиной и служило пастбищем для нашего деревенского стада, в этом году было засеяно овсом, превратившись в фисташковое море, и пробираться к моей заветной полянке, на которой я любил медитировать и отдыхать сердцем, приходилось теперь вдоль лесной опушки, делая крюк в пару километров. Здесь, между вековыми лиственницами и соснами, весенними потоками был промыт небольшой овражек, по которому даже я на своем «Патриоте» боялся спускаться к очаровательной лужайке, которая и манила последние годы меня. Хотя пару раз я этот манёвр и совершал, но чаще не рисковал.

Лужайка была ровная, как футбольное поле, да и по размерам такая же. Она пряталась в котловине, окруженная каким-то реликтовым лесом: по краям ее стояли четыре огромных многовековых осокоря в два, а может, и в три обхвата у основания, с причудливой неестественной формой стволов, чем всегда притягивали взгляд и вызывали разные фантазии, убегающие вглубь веков. По дальнему краю полянки бежал

ручей, скорее даже небольшая речка, потому что у неё было какое-то местное заковыристое марийское название. Речка эта была шириной метров в пять, и её без труда можно было перейти вброд. Покидая мою полянку, журча, она впадала в солидный омут, укрытый нависающим тальником, в котором водилась мелкая рыбёшка: окуньки, плотва, красноперки, а дальше, снова превратившись в речку, километров через пять встречалась уже с Ветлугой. Каждый раз, когда я спускался по оврагу на эту полянку, всегда покрытую какой-то мелкой, неизвестной мне, будто искусственной травой, меня охватывала наполнявшая всё это закрытое и заполненное особым личным переживанием пространство тишина и неземное спокойствие. Это состояние многие из нас испытывали, но передать его словами невозможно. И это мучительно, тревожно и радостно одновременно. Мне кажется, что Чехов так же мучился, когда писал свою «Степь» и понимал, что у него не хватает слов, чтобы пересказать свой восторг.

Я сам житель городской, и дом деревенский мне достался по наследству лет десять назад от не совсем понятной мне дальней родственницы, и, наверное, плюнул бы я на этот дом, если бы не случай. Заехал я тогда посмотреть на свое наследство, рассчитывая кому-нибудь продать этот огромный пятистенок хоть за какие-нибудь копейки, познакомился с соседями, а те меня приветили и начали расписывать свои местные красоты. А свелось всё к тому, что попросили они меня пустить в дом пожить молодую вдову Лиду с двумя ребятишками, пацанами шести и восьми лет. Беда у неё недавно случилась: сгорела её хата вместе с мужем-хозяином. Осталась она без жилья и без опоры.

Что делать? Согласился я на их просьбы, посулы и уговоры: и за домом Лида присмотрит, и печь протопит, и белье постельное, когда надо, стирает, и порядок наведёт. А ещё и огород там за домом есть, который обрабатывать надо. Так и повелось: летом я с десятков раз наездами бываю тут, сам у себя в гостях, или один, или с друзьями: и за грибами ходим, или на рыбалку, и на пленэре посидеть неплохо, когда один, этюды пишу. Художник я. А круглый год Лида в доме хозяйничает: услужливая женщина, тихая, незаметная – будто и нет её. Правда, косолапит она и походка у неё как у уточки.

В тот день, когда я поближе познакомился с Виктором, планировал я наловить в качестве живцов мелких рыбешек в моём омуте, чтобы зарядить жерлицы на шук в затоне. Я подъехал на своем «Патриоте» к спуску на полянку, вышел и увидел, что на подъеме, в овраге, почти на боку висит «жигуленок» соседа Виктора, вот-вот опрокинется. Машину стащило туда юзом, когда он выбирался с полянки наверх. Виктор был не совсем моим соседом: он жил на нашем порядке, напротив, через три дома, но я его в лицо знал. А сейчас Виктор был сильно пьян и очень разгневан на самого себя: он мотался вокруг своего застрявшего авто, грязно и громко ругался и стучал себя кулаками по ногам.

– Сосед, выручай, – обратился он, увидев меня и прекратив свои самобичевания, – выдерни меня отсюда. Ты же на вездеходе! У тебя есть трос?

– Нет, нет у меня троса, Витя, – ответил я.

– Да вот, – и опять мать-перемать, – поехал я тестяге своему показать, где можно карасей ловить, и вляпался так! Привез его из города, показать, как мы с Татьяной его тут устроились, а сейчас чуть морду ему не разбил – начал меня учить! Прогнал я его. Сосед, давай сгоняем с тобой на лесопилку, тут рядом, пару километров – я там

конец троса стального возьму, и мы с тобой выдернем машинёшку мою несчастную.

Отказать ему я не мог: в деревне это не принято – в деревне и просьбы всегда разумные, и отказов не принимают, хотя неприятен мне этот Виктор был даже издали.

Ничего мы на лесопилке не нашли, поехали в свою деревню, и там не повезло – нет ни у кого. Пришлось ехать в соседнюю. Часа только через два выдернул я этого Витю из канавы. На удивление, «жигулёнок» Витин завелся сразу, без проблем.

– С меня стакан, – сказал он мне на прощание.

Даже верёвку чужую Витя бросил тут же в траве, и мне самому уже пришлось её отвозить хозяевам в чужую деревню.

Было это лет пять назад.

Как я потом узнал, Виктор был сам местным, родился тут. А после армии перебрался он в райцентр, завел там какой-то мелкий бизнес, были у него целых три палатки на рынке. Только пришлось ему эти палатки продать, женился он на Татьяне, женщине с ребенком, купил дом-пятистенок в родной деревне и вернулся сюда, где на свет появился. Татьяна была женщина дородная, крепкая, рослая, с тяжелой рукой и лет на десять старше Виктора. Потому, когда пьяный, а пьяный он бывал часто и всегда дурной, Виктор поднимал на свою суженую и законную голос или руку, то всегда получал от неё взбучку, и солидную. Часто он ходил с синяками, но никогда не смущался тем.

Дом свой Виктор в порядок привел – мужик он был сручный и крепкий. Парники на участке поставил такие, что иной агрохолдинг мог бы позавидовать. Через год Татьяна ему сынишку родила. Только чувствовалось в этом Викторе всегда какое-то говнецо, а иногда оно и наружу прорывалось.

Помнится, сосед его Саша Удалов менял подгнивший венец у своего дома, и надо было поддомкратить угол сруба. Попросил он Виктора соседски помочь, и я тому был свидетель. Так тот только рассмеялся:

– Давай тыщу – помогу, а так – что я карячиться с тобой буду!

И таких некрасивых историй скопилось у меня в памяти немало. Помнится, раз на берегу реки он ногами разбросал и переломал два удилища заброшенных фидеров незнакомого рыбака, приехавшего к нам из города порыбачить – и притом кричал истерично:

– Моё это место! Убирайся вон, а то накостыляю!

Надо сказать, что рыбаком Виктор отменным был: и места он знал самые уловистые, и прикормки делал сам какие-то замечательные, но секретами своими он ни с кем никогда не делился. А ещё чутье у него на это дело было. Вот все мужики на рыбалке, а он в огороде торчит и смеется:

– Сегодня клева не будет!

И действительно: вечером все мужики пустые с реки идут.

А то вдруг: и дождь моросит, и ветер гуляет, а он на берег шагает и через час двух судаков здоровенных домой прёт.

Раз как-то я ему напомнил, что он мне стакан должен.

– Послушай, сосед, – ответил он мне, – я, когда буду выпивать, тебя не забуду и налью. А сейчас нет у меня.

– Витя, – сказал я ему на это, – я про стакан пошутил. А вот научи меня, как ты из макухи приваду свою на леща делаешь и наживку.

– Давай тыщу, и я тебе свою отдам – вот только что наготовил, – и он протянул белый шар намятого теста.

– Понял, – ответил я.

Больше я с ним ни разу не общался – противно!

Когда СВО объявили и стали набирать людей по контракту, Витя первый из нашей деревни пошел в военкомат и записался воевать на Украину.

– Да я за такие бабки до пенсии воевать готов!

В то лето я его больше не видел. Зимой я в деревне не появлялся. А по весне, уже по теплу, в конце мая, заехав к себе погостить, я заметил его, сидящего около своего дома на маленькой скамеечке. Лида хозяйка моя, доложила мне, что Татьяна, супруга Виктора, деньги контрактные целый год исправно получала, а зимой он в отпуск на неделю приезжал, медалью хвастал. Только вот сейчас из госпиталя прибыл весь израненный – неделю уже на табуретке домашней сидит да курит. Какой-то другой он стал: мужики просто его не узнают.

Я не стал выяснять – какой он другой стал, а решил сам с Виктором пообщаться. По моим понятиям, любой человек, который, защищая Родину, кровь пролил, заслуживает особого внимания.

Подойдя к избе Виктора, точнее, к сидящему на скамейке Виктору, я сразу заметил, что он как-то скукожился: маленьким стал, худеньким и подсох весь. Он курил. Рядом, в траве лежал костыль, а левая рука была на перевязи, перебинтована и очевидно упакована в лангету. Я остановился и закурил.

– Что сосед, за стаканом пришел? Я больше не употребляю, но Татьяне своей скажу, чтобы она тебе налила. Долги надо всегда отдавать.

– Да нет, Вить – бог с ним, со стаканом. Я так – поболтать. Расскажи про себя.

– Нет, сосед, чего рассказывать? Кто на войне бывал, тот плохой рассказчик!

– Но всё равно – как тебя угораздило?

– Как-как! Кассета в десяти метрах от меня разорвалась – двадцать осколков я и словил. Десять удалили, а ещё с десятков остались во мне торчать. Ногу перебило – так вроде налаживается, а вот с рукой всё хреново: и кости в крошки раздроблены, и сухожилия перебиты. Врачи сказали, что отремонтируют, но я не верю – сохнуть будет. Хотя вот через десять дней снова в Москву, в госпиталь поеду. Остальные осколки вынимать будут. Хочешь – потрогай.

Он протянул мне правую руку.

– Видишь шарик повыше кисти, это осколок заросший, потрогай, не брезгуй потрогать солдата.

– А кем ты там, на войне-то был?

– О, у меня специальность была сложная – истребитель танков.

– Что-то я про такую специальность впервые слышу.

– А теперь и война совсем другая, не такая, как в кино.

– В смысле?

– А в том смысле, сосед, что был я на краю земли. Понимаешь меня? Нет? Вот, помню, в самом что ни на есть детстве, мой дед пришел с покоса раньше времени и говорит моей бабушке (я с ними в детстве жил): «Знаешь, бабка, на том берегу реки тоже люди живут. Я тут траву кошу, а на том берегу тоже мужик, и тоже косит – чудно». Я тогда маленький был, и понял, что для моего деда земля заканчивалась на этом берегу реки, а на том уже ничего серьезного и нет. Я ведь в армии все два года в каком-то лесу под Архангельском служил, и вот казалось мне с тех пор и всегда, что только лес вокруг и есть. И у нас кругом лес,

и под Архангельском вокруг части один только лес был. И вся Земля для меня один только лес. А там, где я целый год воевал, земли уже нет. Там все живое выбито, все леса выжжены и выбиты в хлам, в труху, в щепки, а земля железом там так нашпигована, что она уже никому не нужна будет! Никогда! Там даже трава не будет расти. Я был, я стоял на краю живой Земли.

Виктор замолчал. Мы снова закурили. Я тоже молчал.

– Что, сосед, поедем завтра на рыбалку? Я пешком-то не дойду, а с тобой на «Патриоте» с удовольствием прокачусь. Я тебе такие уловистые места покажу, каких даже все наши местные не знают.

– Так чего – поедем.

– Только надо сначала в Воздвиженское, в храм съездить, помолиться – там у них праздник престольный завтра, а потом уже на рыбалку.

БОЛДИНСКИЙ МАРЬЯЖ

Из цикла «Жмуркин и Криворотов»

1

Июнь. Вот и пришло долгожданное лето. Да – долгожданное. У нас, в средней полосе, лето каждый год ждёшь и ждёшь, когда оно придёт. Так ведь оно иногда не приходит, а если и приходит, то такое, что осенью про себя проговариваешь, что лета-то как такового и не было!

Я вообще не знаю людей, которые говорят – «долгожданная зима»: зима, она и так приходит каждый год, жди её, не жди! Про осень говорить «долгожданная» – вообще смешно. А весна: ну что – март на весну не похож, апрель тоже – слякоть, снег грязный, хотя и солнышко светит, а май многие уже летом почему-то считают. Хотя это ещё и не лето!

А вот июнь – это уже лето. И солнышко, и день длинный-предлинный, и пиво можно на свежем воздухе пить. Михаил Жмуркин и Илья Криворотов сидели за столиком на веранде и пили по третьей кружке, когда Миша, спохватившись, вдруг заявил:

– А ты знаешь – я вдогон за тобой в Большое Болдино еду на этот фестиваль «Русское слово». Так что там снова будем вместе работать.

– В смысле? Как это вместе работать? Я со съёмочной группой еду, а ты?

– А я просто так! Ты вроде как не рад? А ведь у тебя один друг – и это я! Мне позвонила Нина Зингер, которая всё это мероприятие организывает и курирует, и пригласила меня в качестве почетного гостя.

– Какого-какого гостя?

– Почетного. А что?

– Ты что, смеёшься надо мной? Какой из тебя почетный гость?

– А вот так, Илья, мы сами и не замечаем, что становимся уважаемыми, заслуженными, почетными. А со стороны виднее.

– Может быть, может быть – но я буду теперь знать кое-что новенькое про тебя. И вообще, с таким твоим перевоплощением за пиво сегодня платишь ты.

– Хорошо.

– А что же ты там будешь делать?

– Нина мне сказала, что я буду модератором в дискуссии двух писательниц наших местных: одна из них, какая-то Аня Конюхова, учительница и опубликовала она в Москве, в издательстве ЭКСМО два сборника рассказов острой социальной направленности, и про неё в центральной прессе несколько восторженных статей появилось, как о новой звездочке. А вторая наша – Елена Пучкова, которая написала уже тридцать романов, и они тоже все изданы: детективы, порнуха, семейные саги под разными псевдонимами, и по многим из них уже сериалы многосерийные отсняты. Она настоящий профессиональный писатель: то есть своими гонорами себе на жизнь зарабатывает.

– С Ниной Зингер мы когда-то, лет десять назад, тут, в одной студии, работали, я её хорошо помню. Потом она через Германа Сагалаева в Москву на Первый канал попала. А что ей, она старая дева: она там занимается подбором артистов для сериалов, довольно денежная должность. И ответственная. Но вот, насчет этого фестиваля, говорят, что кто-то ей помог: чуть ли не через администрацию президента, выбила она пять миллионов и решила устроить для своих друзей праздник. Она пригласила на этот фестиваль очень значительных и уважаемых людей – и писателей, и артистов, и журналистов, и столичных, и наших. Можно сказать – сплошь ВИП-персоны. Какой смысл? – я пока не понимаю. Посмотрим.

– Я тоже Нину хорошо знал, но только – сколько лет прошло. Я за последние годы и видел-то её всего пару раз.

В Большое Болдино Жмуркин ехал на редакционной машине вместе с Криворотовым, народным артистом Познанским и оператором Славой – повезло. С гостиницей тоже повезло – номер двухместный, но второй постоялец пока что не объявился. Программа двухдневного фестиваля была не просто насыщенной, а перегруженной, хотя Михаила ни одно мероприятие не вдохновило; отметил он для себя только творческую встречу с Захаром Прилепиным, которую можно было бы посетить. Захар должен был презентовать свою новую книгу о Леониде Леонове, а дирижировал эту встречу Дима Быков.

Просидев в номере с четверть часа и изучив программу, Жмуркин переоделся в легкомысленные шорты, майку и вышел прогуляться и размяться на площадку перед гостиницей. На площадке никого не было, если не считать самой хозяйки фестиваля Нины Зингер, которая обрадовалась, увидев Жмуркина, чмокнула его в щеку и строго спросила:

– Ты почему не в ресторане? Все обедают. Иди быстрее – это тут, в гостинице, на втором этаже. У тебя через час мероприятие во Дворце культуры – вон, напротив. Я сейчас встречу ещё парочку гостей из Москвы и тоже приду на ваш диспут.

Тут подкатило такси, и Жмуркин стал свидетелем, как Нина Зингер обнимает и облизывает трёх солидных дам. Михаилу даже показалось, что он узнал среди них когда-то блиставшую дикторшу с центрального телевидения Сорокину, только уж больно постарела.

Конференц-зал Дворца культуры мест на пятьдесят был пуст, почти пуст: с десятков молодых ребят, как выяснилось, студентов из пединститута, из Арзамаса, и всё. На сцене в креслах, в отдалении друг от друга сидели писательницы: они обе были молчаливы и неулыбчивы. Перед ними стояли маленькие журнальные столики с именными табличками. Жмуркин пожалел, что не успел предварительно пообщаться с дамами: теперь он вообще не представлял, что он должен делать и как себя вести. И Аня Конюхова, и Лена Пучкова тоже не знали, что им делать.

Михаил поднялся на сцену, взял в руки микрофон, но тут же положил его на столик – он решил вести встречу стоя.

– Друзья! Я попрошу – давайте сядем поближе к сцене, чтобы общаться без микрофона и было как-то поуютнее.

Хотя уж куда было уютнее – студенты сидели на первом и втором рядах и продолжали заниматься своими делами: копать в пакетах, разговаривать по телефону и совершенно не обращали внимания на Жмуркина и на писательниц.

– Друзья, – снова начал Жмуркин, – у вас сегодня образовалась уникальная возможность задать любые вопросы настоящим и популярным

действующим писателям Анне Конюховой и Елене Пучковой и узнать и понять, что такое литературный процесс в России.

Никакой реакции слова Жмуркина у студентов не вызвали, и он обратился к залу в третий раз.

– Друзья, давайте попробуем так: вы для разминки зададите парутройку вопросов нашим гостям, а потом я попробую нашу встречу перевести в нужное русло.

– А вы замужем? – обратился непонятно к кому совсем юный и худенький, почти мальчик с первого ряда.

– Это к кому вопрос? – уточнил Михаил.

– А к обеим.

– Замужем, замужем, – кивнули по очереди писательницы.

– А вы в Венеции были? – на этот раз вопрос задала такая же юная и худенькая белобрысая девочка.

– Не были, не были, – покачали головами писательницы.

Жмуркин начал понимать, что встреча начинает походить на кошмар, который надо приводить в порядок. И тут с шумом и активными разговорами, открыв настежь обе двери, в зал прошла, а скорее даже завалилась, достаточно значительная новая группа журналистов и писателей, возглавляемая Ильёй Криворотовым.

Илья тут же поднялся на сцену, развалился в жмуркинском кресле и, взяв в руки его микрофон, заявил:

– Мы сегодня можем узнать или даже выяснить, что такое коммерческая литература и что такое интеллектуальная литература из первых рук. Для начала, я хотел бы сформулировать для себя, а вы можете возразить: а кто такой писатель в современном мире. Отвечаю, но это лишь моё мнение: писателем может считать себя каждый, у кого есть массовый читатель. Насколько он массовый – это мы сейчас выясним. Настолько ли, что гонорарами и роялти он сможет обеспечить себе безбедное существование? Или достаточно, если просто будет удовлетворено тщеславие автора?

Михаил почувствовал, как мурашки озноба стали таять, он снова почувствовал июньское тепло, услышал наглое чириканье воробья за открытым окном и, уверенно спустившись в зал, уселся рядом со студентами – Криворотов на сцене оказался в своей стихии и в подсказках не нуждался.

Тема оказалась актуальной, злободневной, спорной, и в какие-то моменты публика, а точнее, участники прений даже пытались перекричать друг друга. Обе писательницы были позабыты и сидели молча, а когда Криворотов обращался к ним за поддержкой или выяснением их мнения, смущались, как будто и не они на самом деле виновницы всего этого сборища.

Жмуркин вышел на свежий воздух, не дожидаясь окончания дебатов, которые успешно вел Криворотов, – он был лишним. Пешком, знакомым переулком он прошел к усадьбе Поэта. С крытого крыльца барского дома, которое выполняло и функции балкона, мужчина профессионально, хорошо поставленным голосом читал «Евгения Онегина» – было понятно, что это настоящий артист. Слушателей стояло вокруг человек пятнадцать-двадцать.

– Привет, Миша, – поздоровался со Жмуркиным кто-то, дотронувшись до плеча.

– Привет, – откликнулся он, не очень понимая, кто с ним здоровается. Да, лицо знакомое, кто-то из журналистской братии, но кто?

– Ты тоже решил приобщиться к высокому искусству?

– Да нет – я случайно забрёл. А кто это такой?

– Это какой-то заслуженный артист из Москвы. Я фамилию его не знаю. Он в качестве предисловия рассказал любопытную историю: в эфире, на какой-то программе Никита Михалков предложил ему спеть хором «Боже, царя храни». Так он Никите Сергеевичу отказал, сказав, что Михалков петь не умеет, а мычать с ним просто так он не будет, а вот на спор прочитать «Евгения Онегина» – главу он, главу Никита – по очереди, он готов. Никита Сергеевич согласился, подтвердив, что «Евгения Онегина» он на память знает, но отговорился тем, что эфирного времени не хватит: на чтение всей поэмы уйдет часов пять или шесть. Так вот и этот артист, и Михалков решили этот свой дуэт исполнить на сегодняшнем мероприятии – Михалков должен был приехать, но не приехал. Поэтому артист читает первых две главы сам, а присутствующие пообещали, что доложат о таком мероприятии нашему великому режиссеру. Он уже час читает. Думаю, что ещё час будет читать.

В этот момент к Жмуркину подкатилась девочка, полненькая, кругленькая, серьёзная (но серьёзность на её улыбочивом личике с трудом удерживалась) с короткой толстой косичкой. Михаил её уже видел: и в зал, где проводился диспут, она заглядывала, и в гостинице она пару раз мимо него пробегала, и всегда с заботой какой-то, видно было, что работает.

– Михаил Петрович, я – Наташа, помощница Нины Зингер. Нина Ивановна просила вас разыскать. Она ждёт вас у себя в номере – вы ей зачем-то понадобились. Она на втором этаже в своем номере. Там один большой ВИП-номер.

– Ну, пока, – Жмуркин хлопнул по плечу собеседника.

2

В номере у Нины Зингер сидели журналист Цирульников, писатель-сатирик Задорнов, дикторша Сорокина и ещё одна дама, которую Жмуркин не знал и видел в первый раз.

– Миша, что будешь: чай, кофе? Наливай. Присаживайся. Можешь минералку взять в холодильнике. Мне уже рассказали про ваше мероприятие – всё прошло великолепно, люди ведут разговоры до сих пор. Зацепили вы народ с Ильёй. Миша, я что тебя пригласила – Михаил Николаевич Задорнов дарит музею-усадьбе Болдино большую бронзовую композицию, и завтра будет её торжественное открытие. Я прошу тебя от имени Союза журналистов сказать пару слов, регламент – пять минут. И кстати: статую поставили временно прямо за горбатым мостиком справа. Как тебе такое место?

– Хорошее место. Правда, хотелось бы вживую посмотреть. А что за композиция? Хотя завтра посмотрим.

– Там няня Арина Родионовна и мальчик Саша Пушкин. Большая композиция – больше тонны весит.

– А при чем тут Болдино? Этот памятник в Михайловском должен стоять.

– Ну, а вот Михаил Николаевич решил так распорядиться.

– Конечно, хозяин – барин. А выступить – выступлю.

– Нора, – Нина обратилась уже к даме, которую Жмуркин видел впервые, – вот тебе твой Жмуркин, живой, красивый, талантливый – забирай. А ты, Миша, пожалуйста, поухаживай за моей хорошей подругой Норой Минской – она так же, как и ты, журналистка, главный

редактор еженедельника «Неделя-криминал». А может, вы уже знакомы? Нет? Тогда у меня к тебе просьба: ты же уже раз десять бывал в Болдине, а Нора впервые; проведи с ней подробную экскурсию.

Жмуркина, как только он вошел в номер к Зингер и как только увидел эту незнакомку, сразу посетило чувство тревоги и надежды. Если задуматься – бывает такое сложное сочетание. Дама была ровесницей, а может, чуть постарше Жмуркина, лет сорока. Она была интересна той зрелой женской красотой, которую не надо подчеркивать и выпячивать: дама знала о том, что она носительница этого женского очарования и она умела сама этим своим свойством руководить и пользоваться. Она была в приталенной белой рубашке батик с расстегнутой верхней пуговкой, светло-голубых укороченных джинсах и белых кроссовках. Волосы светлые, коротко остриженные, но не каре, а так, какой-то беспорядок. Губы её были накрашены ярко и агрессивно.

Нора встала и направилась к двери, а открыв её, обернулась на Жмуркина и, удивленно подняв брови, посмотрела на него, как бы говоря: «Ну что же – я тебя жду!»

– Миша, тебя ждёт Нора, – с упреком заметила ему Нина.

– Нина, дай я выпью чашку обещанного чаю.

– Ну, пей, пей!

Потом Жмуркин лежал у себя в номере и анализировал поведение Норы Минской – она не выходила у него из головы. Так просто лежал и думал, и чувство тревоги не проходило, пока не послышался шум и разговоры в коридоре – народ шел в ресторан на ужин.

На ужин Нора Минская несколько опоздала – она вошла в зал, когда все уже стучали вилками и ложками. В кремовом строгом брючном костюме, на шпильках, и макияж её был строгий и рабочий; она очень походила на руководителя крупного предприятия. Если и не все мужчины, то кое-кто всё же повернул свою голову, чтобы полюбоваться. Вообще не обернувшись на Жмуркина, она прошла к своему столу, а Миша прямо заерзал на своем стуле. Ничего не доев и не допив, он поднялся с места, подошел к Норе и прошептал ей на ухо:

– Я вас жду в вестибюле через полчаса.

– Хорошо. Мне надо будет переодеться, – услышал он ответ.

И вновь кое-кто с удивлением посмотрел на них.

Илья Криворотов подошел к Жмуркину и с надеждой спросил:

– Ты с нами пойдёшь пить вино в парк? Ребята из Москвы приглашают.

– Нет-нет, Илья. У меня дела.

– Ну-ну!

Михаил курил в вестибюле, когда Нора вышла. Она была в цветастом легкомысленном приталенном платье с глубоким вырезом без рукавов и кроссовках, в руках у неё была джинсовая куртка. У Жмуркина мелькнула мысль о грядущем ночном приключении, но Нора, крепко взяв его под руку, сказала:

– Пойдем к прудам, погуляем. Не хочется сейчас быть пошлой, но иногда я устаю от этой журналистской тусовки. А вот ты сам, скажи честно, как относишься к этому почти полувековому болдинскому ажиотажу?

– Если честно, то я его оправдываю. Подумай: за три своих болдинских вояжа поэт пробыл здесь чуть больше четырех месяцев, а написал почти тридцать процентов всех тех текстов, которые мы знаем и читаем. Это – феноменально и называется болдинским чудом. Если всякие глупости наших новорожденных писак, о том, что в Болдине их посещает

вдохновение, можно относить к рекламе, то объём написанного здесь Пушкиным просто поражает.

– А Михайловское?

– Ну что ты, Нора? Михайловское – это памятник Гейченко! Разве можно эти точки сравнивать? Я был в Михайловском. В Михайловском Пушкин был в ссылке. Это – его тюрьма! Я уверен, что поэт всю свою оставшуюся жизнь проклинал эту точку на карте! Михайловское создал Гейченко, и большое ему за это спасибо. Гейченко – великий менеджер. А в Болдине Пушкин был счастливчиком, чего стоят его письма к Гончаровой – он получил только что согласие на брак с Натальей Николаевной. Жаль, что меморий только здесь никаких пушкинских нет. Правда, говорят, что лиственницу перед барским домом он самолично посадил. А там, в музее, все – неправда: чашки чайные кузнецовские, конца девятнадцатого века, стол письменный из шереметевского замка.

Нора плотно держала под руку Илью, и он даже ощущал легкий аромат её парфюма. Ворота на территорию барской усадьбы была настежь открыты, в парке мелькали на тропинках какие-то фигуры, слышался женский смех.

Конец июня – белых ночей у нас не бывает, но всё равно они, эти июньские ночи бывают волшебными. С девяти до одиннадцати, когда солнце уже зашло, а воздух ещё прозрачен и держит дневное тепло – время влюбленных. И всегда чудится, что в кустах кто-то шепчется, а соловьи издают такие звуки, что можно сойти с ума. А потом наступают сумерки, но и они тоже прозрачные и тоже сумасшедшие, и снова соловьи.

Прошли горбатым мостиком. Справа, на небольшом пригорке стоял фанерный короб три на три метра и пару метров в высоту – это, видимо, был скрытый от взоров подарок писателя Задорнова. Ниже, на комле поваленной в пруд огромной двухсотлетней ивы, сидела компания во главе с Криворотовым, пили вино или пиво, смеялись.

Кто-то купался.

– Миша, Нора, присоединяйтесь к нам.

– Не отвлекайте нас, мы гуляем и заняты делом, работаем мы, – строго, но с ноткой иронии отрезала Нора.

Обошли нижний пруд, разговор незаметно перешел на общих знакомых и вдруг превратился в неведомую раньше игру:

– А ты помнишь, как звали Булганина?

– Николай Александрович. А как звали Силаева?

– Иван Степанович. А Катушева?

– Константин Федорович. А Клопова, председателя облсовпрофа, помнишь?

– Александра Дмитриевича? Конечно, помню, а чего его помнить – он жив-здоров. Я его в детстве дядей Сашей звала, а он меня Норкой, и я очень обижалась: говорила, что Норкой можно только собак звать.

– Так, значит, мы с тобой в детстве в одной песочнице играли. Я в свое время записывал все эти гадкие истории про адюльтеры, измены, предательства, уголовные дела, самоубийства, которые происходили в нашем городском высшем эшелоне – слышал я всякие такие разговоры между папой и мамой. Могу целую книжку издать. Только думаю, что меня за эту книжку не в тюрьму посадят, а просто убьют.

– А если за границей издать? Я могу запросто это устроить.

– Всё равно убьют. Вот у меня есть уже написанная книжка про наших незаслуженно забытых инженеров и ученых, которые являются светилами советской науки и техники, а мы про них ничего толком

не знаем, про их частную жизнь: это и академик Андронов, и академик Разуваев, и инженер Железцов, который рассчитал всю автоматизацию и телемеханику для первого атомохода «Ленин», Грабин, который 75-миллиметровую пушку создал. А ты знаешь, что в доме, где сейчас Союз писателей находится, некоторое время жил Зворыкин, изобретатель и создатель телевизора? У меня есть эта готовая книга – сорок биографий полузабытых великих наших земляков. Пойдем вниз – я тебе земляную скамейку покажу, или дерновую, как местные её зовут. Юрий Андреевич Адрианов считал, что если в Болдине и есть место силы, то оно находится на травяной скамейке.

– Пойдём, веди меня, – ответила Нора, плотнее ухватила Михаила под руку и прижалась к нему, – знаешь, я помогу тебе издать эту книгу. Мы с тобой поедem на Франкфуртскую книжную ярмарку, она в начале осени бывает. У меня есть знакомый литературный агент Томас Видлинг, он является агентом Захара Прилепина и вообще лучший агент в мире – мы с ним твой вопрос решим, он мне не откажет. Только ты должен за эти два месяца подготовить рукопись и желательно сделать перевод или на французский, или на немецкий.

Сумерки сгущались, выпала роса, узкая тропинка вывела гуляющую пару вниз, на небольшую площадку с выложенным постриженным травяным дёрном небольшим возвышением – это была травяная скамейка.

– Вот оно болдинское место силы, по словам Юрия Адрианова. Если ты не замерзла, можем посидеть тут.

Нора бросила на траву свою куртку, и они уселись рядом. Миша обнял Нору, а она прижалась к нему. Рука Жмуркина невольно и механически легла на колено Норы – коленка была холодной, а вот чуть повыше нога была очень даже горячей. Нора сжалась:

– Миша, ну, что ты? Я же взрослая женщина. Мы с тобой взрослые люди. И что же, мы с тобой будем шупаться и обниматься в кустах, как ребятишки? Мы же ничего с тобой не ворует. Всё у нас с тобой будет – подожди. И пойдем домой – холодает. Вон, посмотри, как интересно. Это туман?

По склону прямо по тропинке на поляну полз белёсый язык тумана.

– Интересно, я раньше думала, что туман только вверх поднимается, а тут он с озера вниз речкой течет. Миша, я завтра утром рано уезжаю в город. Давай встретимся в среду на спектакле в Доме актера: там у Миши Висилицкого будет премьера нового спектакля про Чонкина; уж не знаю, по Войновичу это или просто так.

Нора остановилась, задержала Жмуркина и чмокнула его в губы.

– Это тебе в благодарность за сегодняшнюю прогулку. Аванс!

3

Всю дорогу из Болдина домой Жмуркин молчал. Криворотов пытался его разговорить, но ничего у него не получалось.

– Не мешай мне думать, – обрывал его Михаил.

При этом он ещё что-то шептал и по-идиотски улыбался. А шептал он какие-то междометия: «Надо же!» или «Вот это да!» В общем, дурдом какой-то творился в машине.

В городе Илья сразу же принялся активно разруливать образовавшуюся проблему: он понял, что его друг влюбился по-мальчишески, бессознательно и основательно, и это нехорошо. После первых же попыток выяснить что-то существенное про Нору Минскую, которую в городе,

оказывается, все прекрасно знали, Криворотов раскопал про неё много чего интересного и понял, что надо с ней встречаться.

Нора Мирская была в разводе, и жила она со своим бывшим мужем в трехкомнатной квартире, жили они вместе и дружили: одна комната её, вторая мужа, а гостиная для встречи гостей. Муж её занимался серьёзным бизнесом и почти всё время находился или за границей, или в Москве – дела решал. Две взрослых её дочери тоже жили в Москве: одна была уже замужем, другая училась. Сама Нора, будучи главным редактором популярного еженедельника, была фигурой публичной, и связаться с ней для Криворотова не представляло проблемы. На звонок его и просьбу о встрече она откликнулась сразу же согласием, и уже через час они сидели в кафе на набережной. Узнали друг друга сразу.

– Илья, чтобы тебе не растекаться тут словесами, давай начну я. Произошла удивительная и, к сожалению, почти драматическая ошибка.

– Нет, Нора! Сначала скажи, что ты будешь пить: пиво, вино, коньяк?

– Зелёный чай и эклер.

– Значит, я тоже зелёный чай.

– Так слушай, Илья. Произошло недоразумение и печальная ошибка: недавно в наш пединститут по инициативе нашего губернатора перевёлся на работу из Питера профессор Жмуркявичус. Я о нем была наслышана. Нина Зингер – моя верная и давняя подруга. Я попросила нас с этим Жмуркявичусом познакомиться. Я спросила у Нины, знает ли она какого-то профессора Жмурко или Жмуркина? Она ответила, что Жмуркина знают в городе все, и пообещала нас познакомиться. Вот и всё! Она пригласила в Большое Болдино меня и Михаила вместо этого профессора. Я должна была познакомиться с профессором Жмуркявичусом, а не Мишей Жмуркиным. А дальше тебе уже всё понятно.

– Ничего мне не понятно – зачем тебе надо было это? Он же, как мальчишка, влюбился и поверил, что у вас всё всерьёз. Он поверил в твои авансы, а это нехорошо.

– Ну что ты, Илья! Есть такая женская игра, ну, по крайней мере, для меня эта игра существует с девятого класса. Вот у вас, мужиков, есть свои игры: война, бизнес, карты, рыбалка. Сидите вы на берегу и следите за поплавком, как он плавает и ныряет. Придумываете всякие приманки, наживки, место выбираете, делитесь опытом, результатами. Так и у нас, у женщин, есть свои игры, и мы придумываем всякие губные помады, высокие каблуки, кофточки, трусики – ну, ты понимаешь, о чём я. Любая нормальная женщина все эти приёмчики знает. Сейчас ей уютно, удобно, хорошо и ничего ей не надо, и по ней это всегда видно, но, если ей потребуется, она сумеет. И нет нормального мужика, которого мы не сумеем зацепить: и неважно – холостой он или женатый, молодой или старый. Просто любая нормальная женщина знает: куда можно играть с вашим братом, а где надо остановиться. Ты же прекрасно знаешь, как это в жизни бывает. Так вот, если тебя так больше устраивает – я хищница: я не только умею это делать, но и делаю это с пятнадцати лет, и мне нравится это. Это – как вам рыбу удить! Я не дура, я факультет кибернетики окончила с красным дипломом, со мной учились умные, талантливые ребята, но они ничем не отличались от самых грубых мужиков в этом плане. У тебя же было много знакомых женщин? А чего вам, мужикам, нужно от женщины?

– Только одного и как можно быстрее, – решил в шутливый тон перевести разговор Криворотов.

– Ну, не надо пошлостей.

– Почему это – пошлости? Самое ценное, что есть у вас, у женщин, да и вообще во всём мире, – это женская яйцеклетка.

– Так вот, в нашей игре самое главное – сберечь эту яйцеклетку и не допустить к ней клиента!

– Так это в простонародье называется «динамо».

– Нет, Илья, «динамо» – это совсем другое. В моей игре это называется «прыжок в сторону». В моей игре мужчина всегда остается доволен, остается навсегда другом и готов продолжить эту игру в любой момент. Мыслей о моей яйцеклетке у него даже не должно возникать. Это трудно, это – искусство, но это возможно. Поэтому не бойся за своего друга Мишу Жмуркина – я сумею сделать так, что он всю оставшуюся жизнь будет с радостью вспоминать нашу встречу в Большом Болдине, наш неудавшийся марьяж. Да ты и сам успокойся – уж больно ты волнуешься.

– Я не волнуюсь – я просчитываю вариант: а что бы было, если бы фамилия этого профессора была Криворучис?

– В таком случае мы сидели бы сейчас тут с Мишей Жмуркиным, и пили зелёный чай. Ведь вы же друзья симметричные, только вешишь ты в полтора раза больше Миши, и всё!

Илья Криворотов позвонил Жмуркину в среду с утра.

– Ну что, в театр сегодня идёшь?

– Иду. А ты что, против?

– Очень даже против. И вообще нам с тобой надо встретиться – я кое-что по секрету тебе расскажу. Как другу! И не по телефону.

– Ну, давай встретимся в сквере напротив Оперного театра через час.

– Я хочу, чтобы ты меня пивом угостил. А вообще-то нет – давай в сквере.

Скверик был почти безлюдным. Пару минут сидели на скамеечке молча: Жмуркин был поглощен своими серьёзными раздумьями, а Криворотов, хотя и готовился к разговору, но долго не мог собраться, чтобы начать говорить.

– Миша! Я тебя потерял – ты не звонишь мне третий день.

– Ну и что? У меня всё в порядке.

– Нет, не в порядке. Я встречался вчера с Норой Минской.

– Зачем?

– Чтобы выяснить, чего ей от тебя надо?

– Ну и что? Выяснил?

– Выяснил. Нора должна была в Болдине зацепить на свой женский крючок профессора Жмурквичуса из пединститута, а Нина Зингер всё перепутала и пригласила вместо профессора тебя в качестве почетного гостя.

– Верю. Но это же прекрасно – благодаря этому я познакомился с Норой.

– Это не ты познакомился с Норой, а она подцепила тебя, перепутав с профессором Жмурквичусом. А ты, как дурак, как мальчишка, влюбился, приняв всё за чистую монету.

– Перестань. У Минской шикарные связи в издательском мире, и она обещала познакомить меня с Томасом Видлингом. Это – самый крутой литературный агент в мире. Ты же знаешь, что у меня уже почти готова книга «Индустриальный муравейник» про наших инженеров. Я сегодня продал батькин золотой минутный репетир фирмы Мозер с бортовой золотой цепочкой, который мне по наследству достался, продал за семь тысяч долларов. Теперь у меня есть деньги, чтобы ехать и на Парижский книжный салон, и на Франкфуртский.

– Ну, во-первых, как ты понимаешь, тебе придется платить за двоих: и за себя, и за Минскую.

– Ну и что?

– А во-вторых, Парижский книжный салон проводится всегда весной, и он уже прошел, а Франкфуртская книжная ярмарка будет только в ноябре.

– Ну и что? Это значит, что я лучше подготовлю свою книгу. А главного ты пока что не понимаешь: главное для меня пока что Нора.

– Вот это-то как раз я хорошо понимаю, и вытащил тебя я на улицу, чтобы ты был готов к тому, что встреча с Норой у тебя сегодня будет, возможно, последняя.

– Я не хочу тебя больше слушать. Ты сегодня не в форме, и глупости всё время говоришь.

На том и расстались.

Сцена Дома актера по распоряжению высокого руководства на тот момент была отдана в полное распоряжение Михаила Висилицкого. О его постановочных опусах с одобрением отзывались Марк Захаров, Сергей Юрский, Иосиф Райхельгауз, и это служило как бы оправданием его театральных изысков.

Висилицкий застал Минскую и Жмуркина в вестибюле, когда те радостно что-то сообщали друг другу, держась за руки. Режиссер-постановщик был одет в какие-то полосатые больничные штаны, бабью кофту и на шее у него была узлом завязана огромная черно-белая клетчатая арафатка.

– Вот уж не ожидал увидеть вас вместе в виде пары. Вы с ума сошли? Или я чего-то не понимаю?

Он замедленно и молча осмотрел сначала Нору потом Жмуркина.

– Ладно, потом разберусь с вами. Пойдемте, я посажу вас в первый ряд.

Однако Минская резко взбунтовалась:

– Ты иди, Миша, работай, работай, готовь своего Чонкина, а нам со Жмуркиным надо ещё поговорить.

Висилицкий ушел, открыв рот и покачивая головой. Нора, держа за руки Жмуркина и глядя ему в глаза, видимо, продолжила:

– Ты ведь уже встречался со своим другом Криворотовым?

– Да, встречался, и он мне наговорил кучу гадостей.

– Я так и знала. Маленький гадёныш. Точнее большой. Миша, я на выходные еду в Москву к мужу, а заодно посету книжный салон «нон-фикшен», который там открывается. На салон приезжает Мишель Парфёнов, представитель парижского издательства «Галлимар». Он приезжает специально для поиска новых русских авторов. Я с ним уже переговорила о твоей книге. Он заинтересовался. Ты должен завтра, край – послезавтра, передать мне три экземпляра своей рукописи и флешку с текстом. Занеси ко мне в редакцию, оставь прямо у девчонок, мне передадут. Я буду себя позиционировать как твоего литературного агента – будь готов. Сейчас я бегу – меня ждёт профессор Жмуркявичус. А дальше посмотрим.

Минская чмокнула Жмуркина в щеку и, два раза махнув рукой, поторопилась к выходу. Миша ещё долго ощущал холодок этого чмока. Значит, Криворотов прав, без всякого сожаления подумал он.

ПОРТРЕТ АКТЕРА

Персональную выставку к восьмидесятилетию народного художника Сергея Ивановича Гусева готовили загодя. Конечно, в запасниках художественного музея нашлось несколько десятков достойных выставочных работ, и из частных собраний городских любителей живописи взяли для экспозиции кое-что, даже из Москвы привезли несколько полотен. Но основой выставки стали, конечно, те картины, которые были написаны в последние годы и хранились у Сергея Ивановича в мастерской: скуповат он стал в последние годы на подарки, более того – стал он сам выкупать свои ранние работы, прежних лет, если попадались или кто-то предлагал.

Удалось заполнить все четыре зала, под сотню работ набралось.

На открытие собралась вся городская духовная элита города: артисты, писатели, друзья-художники, руководство города, приехали поздравители из столицы. Юбиляр сидел на стуле за маленьким столиком при входе в первый зал, со всеми здоровался, принимал цветы и выборочно вручал свой юбилейный альбом: большинство должны были покупать альбом в кассе при входе и подходили к юбиляру, только чтобы получить автограф. Потом случилась небольшая торжественная часть, прозвучали стандартные радостные слова, вручились традиционные адреса в красных папках, повисли в воздухе пожелания, и публика растеклась по залам, оценивая творчество юбиляра. Кто-то из спонсоров подсуетился: в углу на столах стояли фужеры с шампанским, соками, минеральной водой, грудились чашки для чая и кофе, горки конфет и миниатюрных пирожных.

Николай Николаевич Долженко, заслуженный артист, старинный товарищ юбиляра, припозднился, на торжественную часть не попал и был даже рад тому. Сергей Иванович встал, увидев друга, и обнял его со словами:

– Коля, милый, я так рад, я ждал тебя, ты погуляй тут, поработай, пообщайся, а я пока подпишу тебе свой юбилейный альбом, придумаю слова какие-нибудь. А после, вечером, я думаю, что мы с тобой и по рюмке водки сможем.

Дружили Гусев с Долженко давно, лет сорок уже, а может, и больше, и связывал их, а точнее крепил эту дружбу родственный менталитет: оба они были добродушные, благожелательные и внутренне сильные и уверенные в своей правоте. Хотя если Долженко был местным потомственным горожанином и нужды материальной никогда не знавал, то судьба забросила Гусева в этот приволжский город в детстве и, можно сказать, случайно после войны, а он и прижился.

Родился Сергей Иванович перед самой войной в Архангельске, а в голодные послевоенные годы отправила его родная матушка

к родственникам в деревню, где жизнь была посытнее. Родня эта деревенская была из кондовых, правоверных старообрядцев-поморов, да вся деревня тоже. Сохранились ещё в Заонежье такие.

В северных деревнях лес кормит: грибы, ягоды, дичина, а про рыбу и говорить нечего, всегда на столе. Жизнь в старообрядческой деревне течет по уставу, почти как в монастыре: молитва и работа, а ещё и наказания суровые ежедневные, которые оказалась не по силам маленькому Гусеву – сбежал он от побоев уже через год. Мамку свою в Архангельске он не нашел и пустился бродяжничать – хотел в Москву попасть, а оказался на Волге. Так и прижился тут, и сгодился.

Только сильно и постоянно волновали уже выросшего взрослого художника Сергея Ивановича детские воспоминания и северные красоты: обязательно раз в пять лет он отправлялся поработать на Север: Онега, Кижы, Каргополь, Соловки. И северная природа суровая, и жизнь поморская всегда фигурировали в работах Гусева.

С полчаса бродил артист Долженко по залам, общался с друзьями, знакомыми, которых тут оказалось довольно много: что-то обсуждали, делились мнениями – было о чем поговорить. Были тут, на холстах и холодное северное небо, и тёплые заволжские заливные луга, и мужики-рыбаки с сетями, и бабы на сенокосе, и кривые деревянные городские переулочки – всё было! Но только здесь, на этой юбилейной выставке, Николай Николаевич вдруг определил, что друг его закадычный, художник Гусев, оказывается, ещё был и записным портретистом. На стенах залов были вывешены почти двадцать портретов городских знаменитостей последних десятилетий: ученые, врачи, артисты, писатели. Он вглядывался в эти давно уже знакомые ему лично лица, но, кажется, только теперь разгадал главный секрет настоящего художника-портретиста: глаза, выражение глаз – вот что делает портрет портретом.

И царапнул откуда-то изнутри огонёк обиды: а почему же его портрет, портрет заслуженного артиста Николая Николаевича Долженко не удосужился написать художник Гусев? И казалось артисту Долженко, что этот вопрос царапался и ещё в чьих-то присутствующих на выставке головах.

С этой обидой подошел он к своему другу, по-прежнему одиноко сидевшему за маленьким столиком у входа.

– А что же ты, товарищ мой любезный, мой-то портрет постеснялся народу представить? – обратился он к Гусеву, обнимая его за плечи.

– Есть грех, есть грех, Коля, – отвечал со вздохом художник, – виноват я перед тобой. Исправлюсь! А мы с тобой завтра и начнем. Нет – через неделю. Готовься, через неделю начнем работать твой портрет.

– Да ведь есть же у тебя в мастерской мой портрет, где я в роли Сатина. Тот, старый, сорокалетней давности. Я же тогда и премию Станиславского за того Сатина получил, и заслуженным стал, а ты постеснялся показать портрет народу.

– Я не постеснялся, просто там, на том портрете, – не ты! Вот придёшь ко мне в мастерскую, и я тебе всё объясню. Это серьезная причина, и серьёзный разговор, и мне не хочется здесь, впопыхах, на коленке. Ты лучше меня знаешь правила работы артиста и на сцене, и в кино: первый этап – освоить характер героя, а второй – присвоить его. Так вот: ты на том портрете не вышел из роли, и писал я не тебя, а твоего Сатина.

– Хорошо, приду! А сейчас я тебя поздравляю, и пойдем выпьем по рюмке водки! У меня с собой есть, – Долженко вытащил из внутренне-

го кармана плоскую маленькую фляжку из нержавейки, – а вот там, в углу, и фужеры пустые стоят. Никто, кроме нас, тут не поймет, как я рад за тебя и как я тебя люблю.

К старости разница в десять лет кажется уже небольшой, и трудно сказать иной раз: кто умнее, кто мудрее, и кто кому должен советы давать. Да, и деменция своё дело делает. Помнится, в детстве у нас во дворе жили две старухи, с виду лет по девяносто, мать и дочь; и часто они, сидя на лавочке, меж собой спорили, а кто из них старше. То же самое сотворили дружба и время с моими героями. Правда, они не спорили, а просто любили друг друга.

Долженко прекрасно помнил, как однокурсница по театральному училищу Наташа Мещерская привела его впервые в гости к Гусеву в мастерскую. Он тогда был поражен увиденным, это была не мастерская художника, а скорее музей: дымковские игрушки, самовары, городецкие донца прялок, сарафаны, иконы, хохлома – всё это было расставлено со вкусом и для обзора. Трехсотметровая мастерская была четко разделена на рабочую половину, где стояли стеллажи для холстов и мольберты, и на жилую, где принимались гости, стояли кресла, диваны, слушалась музыка, и хорошо пилось вино с друзьями.

Потом случилась беда в виде инфаркта у Сергея Ивановича. Это сейчас к инфарктам относятся как к чему-то обыденному: существуют стенты, шунтирование, кардиостимуляторы. А сорок лет назад слово «инфаркт» было приговором: месяц в постели, а потом – на второй этаж подниматься осторожно, а лучше и не подниматься, и не выпивать, не курить, парную баню и кофе забыть, и превращался человек чуть ли не в инвалида.

А через месяц – второй инфаркт посетил Гусева, и при всем его оптимизме и мужестве загрустил он. Так, ко всему прочему, стал он ещё побаиваться оставаться один – такое случается с сердечниками. Супруге Гусева приходилось по работе раз в месяц ездить в командировки в Москву, и звонил тогда художник к Люсе Долженко, и выпрашивал у неё любимого супруга на два-три ночлега к себе в мастерскую. Долженко приходил, иногда даже после спектакля: сидели допоздна, пили чай, слушали музыку. Гусев телевизор не смотрел, а музыка у него в мастерской звучала всё время – меломаном он был.

Стоял у него на тумбочке шикарный огромный трактирный граммофон с трубой – это для прослушивания Шаляпина и церковных хоров с дореволюционных пластинок, был и немецкий трофейный патефон для румынских пластинок с Петром Лещенко и Морфесси, двухкассетный «Грюндиг» тоже присутствовал, и даже легендарная радиола «Дружба» стояла в углу на полу, но она уже не функционировала.

Странно было для окружающих: у художника было много товарищей по цеху, с которыми он общался почти ежедневно, а последить за ним ночью зовет к себе какого-то молодого артиста почти постороннего. Но мужская дружба, как и прочие сердечные привязанности, часто необъяснима и существует на уровне какой-то внутренней химии. Так, вот оттуда, от тех двух инфарктов и потянулась эта ниточка дружбы художника и артиста, и дружба эта только крепла и крепла с годами.

Сергей Иванович Гусев умер на четвертый день после открытия своей последней персональной выставки – сердце остановилось.

Прощание с народным городским художником было решено провести в том же выставочном зале, где на стенах продолжали висеть его работы – его дети. Они тоже прощались со своим создателем: он уходил

из этого мира, а они оставались, чтобы дальше служить людям. На прощальном митинге выступали те же, кто говорил слова и на открытии выставки неделю назад. И слова они говорили те же – может, чуть-чуть изменилась интонация.

Хоронили художника на Бугровском кладбище, этаким городском некрополе, честь упокоиться на котором надо было заслужить. Отпевать папу в храме дочь Маша не разрешила, объяснив, что, во-первых, он не любил вообще всех попов, а во-вторых, крещен он был по староверческому обряду, и искать специально для этого священника старообрядческого она не хочет, а у поморов так и вообще все таинства совершаются мирянами, а где их взять, она не знает. На выходе с кладбища, после окончания церемонии, она подошла к Долженко:

– Николай Иванович, дядя Коля, я хочу просить вас – вот ключи от папиной мастерской. Все личные вещи я уже забрала оттуда, а вот что делать с картинами, набросками, этюдами и всяким прялками, иконами и самоварами, я не знаю. Помогите мне, из Союза мне уже позвонили – предупредили, что до сорокового дня они подождут, а потом надо будет сдать им помещение.

– Хорошо, Маша, я завтра же схожу туда.

Мастерскую друга-художника Долженко знал не просто хорошо, а очень хорошо – ну, как свою квартиру, наверное. В рабочей половине, где всегда работал мастер, он сразу обратил внимание на пустые проплешины на стенах, заполненные раньше работами друга, но это было понятно: тут висели картины, которые он готовил к выставке. Наверное, ребята из художественного училища помогали ему, лагая со стремянкой, – не сам же он, подумалось.

В этом же зале вдоль стены стояли стеллажи под самый пятиметровый потолок, забитые натянутыми на подрамники холстами самого разного размера – их там были сотни: забракованные варианты, этюды, наброски, к которым, вероятно, рассчитывал вернуться художник. Тут были и чистые холсты, и папки с рисунками, оттисками гравюр. А вот один стеллаж оказался пуст: на нём Сергей Иванович, видимо, собирал свою последнюю выставку. Только одна работа, стоявшая торцом, осталась на стеллаже. Гусев снял картину и поставил её на свободный мольберт. Да, это был его портрет. Подпись в правом нижнем углу «С. Гусев 1978 год». На картонке, гвоздиками прибитой к простой сосновой раме, ещё надпись фломастером: «Артист Николай Долженко в роли Сатина. 1978 г.»

Изображенный на картине тип сидел на грязном заплёванном полу в рваных штанах, стоптанных ботах и бесформенном пиджаке на голое тело. Кулаки его были сжаты, что-то истеричное было во всей его фигуре, и глаза его были белёсыми от пьянства с маленькими черными зрачками, похожими на мушиные какашки. А ещё глаза его были выпучены и наполнены такой злобой, такой ненавистью ко всему, что его окружало в тот момент, что становилось неудобно. На полу сидел человек, с которым не просто не хотелось общаться – он вызывал отвращение. Даже холодные мурашки ощутил Долженко у себя на руках.

Конечно, за последние годы видел он эту работу своего друга много раз, но всегда мельком, никогда не задумываясь над тем, что хотел сказать мастер. А ведь так же, как и артист, художник хочет поговорить со зрителем. И это ему удалось.

– Освоил и присвоил, – прошептал про себя.